

— Не горячись так, малыш, — Хэ Цзиньэнь с величайшей осторожностью убрал тетрадь обратно в папку, поднялся и водрузил её на прежнее место.

Всё это время он стоял к Лансу спиной: если бы тот захотел напасть, сейчас был лучший момент для удара. Однако юноша не спешил действовать. Человек перед ним явно не был тем никчёмным и заурядным стариком, каким пытался казаться. К тому же Ланс не чувствовал от него ни капли враждебности.

Ещё при первой встрече ему показалось, что декан был искренне рад смерти Эрдифа. В какой-то степени — по крайней мере, в данную минуту — они не были врагами, хотя то, что собеседник его раскусил, всё равно представляло серьёзную угрозу.

— Учитель не хочет меня ни о чём спросить? — Ланс слегка разжал пальцы, сжимавшие рукав, и заговорил холодным тоном.

Он отбросил маску наивного первокурсника. В его лисьих глазах вспыхнули присущие ему пронзительность и лукавство. Застывший, пропитанный напряжением воздух в кабинете снова пришёл в движение. Комнатные растения затрепетали от сквозняка, окончательно развеивая последние остатки гнетущей атмосферы.

Приведя документы в порядок, Хэ Цзиньэнь привычным движением смахнул невидимые пылинки со старой деревянной столешницы, на которой и так было чисто. Протирая стол, он неторопливо пробормотал:

— У тебя слишком сильна привычка защищаться. Ты и сам видишь, что я не желаю тебе зла. Да и кому сдался этот мой паршивый кабинет? Тут даже камер нет, никто не удосужился поставить. В прошлом месяце у меня и вовсе горшок с орхидеей спёрли.

Ланс понял намёк: старик давал понять, что здесь безопасно и никто не подслушивает. Закончив со столом, декан обернулся, отряхнул мозолистые ладони и широко улыбнулся:

— На самом деле, пока что я лишь уверен в одном: ты встречался с Оливером.

Он был предельно откровенен. Даже если у Хэ Цзиньэня и имелись иные догадки, у него не было доказательств. А пока нет доказательств — нет и вины. К тому же в эпоху расцвета аномальных способностей даже неопровержимые улики порой оказывались фальшивкой.

— Я бы не был так уверен, — лучезарно отозвался Ланс. — Когда он покидал этот университет, я ещё даже не родился.

Учитель вскинул бровь, изображая удивление:

— Хочешь, покажу фотографию? Сверишь, он это был или нет.

— С удовольствием.

Улыбка Ланса стала ещё шире. Ему было любопытно посмотреть, какую игру затеял старый лис.

Декан и впрямь снова открыл ящик стола и бережно достал старый, пожелтевший от времени снимок.

— Вот, — весело проговорил он, разглядывая юношу и с энтузиазмом указывая на фото. — Я всего дважды в жизни фотографировался с чемпионами Кубка вызова. Надо же, двадцать лет пролетело как один миг.

Ланс опустил взгляд на снимок.

На фотографии были трое. Юноша, стоявший в центре, обладал копной золотистых кудрей. У него была белоснежная кожа, округлое лицо, а взгляд — глубокий и ясный. На этом снимке он буквально сиял. Мальчишка озорно приподнялся на цыпочки и обхватил за шею Альфу, стоявшего справа; его облик был полон жизни и лукавства.

Он мог поклясться: если бы этого Омегу увидел глава гильдии Ночных Странников, который женился восемьдесят восемь раз, он залил бы слюнями весь университет.

«Оливер... Хотя время и искалечило тебя до неузнаваемости, теперь я точно знаю, как ты выглядел»

Затем он перевёл взгляд на Альфу, которого Оливер обнимал за шею. Тот выглядел спокойным, но в его облике ещё сквозила юношеская незрелость, а во взгляде не было той ледяной жажды убийства, что появилась позже. Даже без лишних слов было ясно: это молодой Сы Хунчэ.

«Всё-таки в молодости даже самые отъявленные мерзавцы выглядят по-человечески»

Наконец Ланс посмотрел на Хэ Цзинъэня, стоявшего чуть поодаль, заложив руки за спину. Тогда волос у него было побольше, чем сейчас, а из-за отсутствия «лысины-озера» его улыбка не казалась столь хитрой. Время действительно не щадит никого.

— Узнал? — ласково спросил декан.

— Вроде того, — уклончиво ответил юноша.

— Одного «вроде того» маловато будет, — собеседник прищурился. — В этом Кубке вызова Оливер ведь тоже приложил руку. Он — пробуждённый S-ранга типа «Растения», и одна из его способностей называется «Виртуальное пространство». Он устроил всё это лишь с одной целью: найти убийцу Боласа и Кловы.

— Вот как, — Ланс улыбнулся ещё шире.

Хитрый старик. Стоило показать, что он знает о том, что Оливер жив, как тот тут же вычислил в нём убийцу из «Общества Чёрного Фонаря». И впрямь, кто ещё мог знать об Оливере — человеке, исчезнувшем восемнадцать лет назад?

Улыбка Хэ Цзиньэня внезапно померкла. Он откинулся на спинку стула; в его взгляде читалась нежность, смешанная с бессилием:

— Оливер всё-таки проявил милосердие.

В тот момент, когда все первокурсники вернулись целыми и невредимыми, он окончательно всё понял.

— С чего вы это взяли?

— Потому что он добрый человек. Если бы Сы Хунчэ схватил тебя и подверг пыткам, Оливер страдал бы больше всех.

— Вот оно что.

Напряжение окончательно покинуло тело Ланса. Он почувствовал, что может просто сесть и спокойно поговорить с этим человеком.

Студент, разделявший его страсть к истории, его любимый ученик, оказался в таком ужасном положении — неужели Хэ Цзиньэнь не чувствовал обиды? Не чувствовал ненависти? Неужели он, некогда декан целого факультета престижного университета, добровольно согласился на роль всеми презираемого бездельника?

Весь этот кабинет, заставленный растениями, старая фотография в ящике стола, гордость, которую старик не мог скрыть при упоминании Оливера, и бережно хранимая пожелтевшая тетрадь... Этот человек каждую секунду страдал оттого, что не смог спасти своего лучшего ученика.

Теперь ситуация изменилась: Ланс нащупал его уязвимое место.

— Тогда почему только что вы сказали, что Оливер мёртв? — юноша с интересом разглядывал

собеседника.

Декан посмотрел на цветы в углу и отрешённо улыбнулся:

— Потому что сейчас его жизнь хуже смерти.

Хэ Цзинъэнь смутно помнил, что смерть Эрдифа наступила после того, как «Общество Чёрного Фонаря» опубликовало запрос о помощи. В нём были чётко указаны и заявитель, и причина. Эрдиф заслужил свою участь, хотя репутация университета и пострадала.

Если бы у Оливера был шанс, он, вероятно, тоже мечтал бы о такой могущественной организации, которая помогла бы ему закончить это существование, полное мук. Именно поэтому он пощадил члена Общества, который мог скрываться среди студентов. Оливер, должно быть, уже отправил свой запрос и приготовился встретить смерть.

Ничто в этом мире больше не могло всколыхнуть его душу: ни любимая история, ни незавершённые исследования. Всё это станет прахом вместе с ним. Но, быть может, так даже лучше.

Старик потянулся за термосом, встряхнул его и обнаружил, что чай закончился. Тяжело вздохнув, он просто зачерпнул горсть сухой заварки из жестяной банки и принялся жевать её.

«Оливер, учитель понимает тебя. Но я не могу тебя спасти. И даже проводить в последний путь мне придётся чужими руками»

Прошло немало времени, прежде чем Хэ Цзинъэнь проглотил горькую массу. Вкус был невыносимо терпким.

Ланс молча наблюдал за ним. Выражение лица декана отличалось от того, что он видел у Дэн Чжи. У той было неистовое отчаяние, а у Хэ Цзинъэня — бесконечное, тягучее спокойствие. Это было спокойствие морских глубин, способное поглотить любые чувства.

Неужели Лао Лань основал «Общество Чёрного Фонаря» именно для того, чтобы он увидел всё это? И как назвать то, что он чувствует сейчас?

Казалось, чайные полифенолы взбодрили старика. Он снова приобрел бодрый вид и с любопытством спросил:

— В «Обществе Чёрного Фонаря» все такие молодые, как ты?

Он спросил об этом прямо, без обиняков. Ланс пришёл в себя и лишь загадочно улыбнулся, не подтверждая и не опровергая его слова.

Видя, что юноша не собирается признаваться, декан в замешательстве почесал блестящую макушку. И вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ах да, чуть не забыл!

Он спрятал руки в рукава и слегка ссутулился, приняв вид хитрого старикашки.

— Научно-исследовательский институт «Красная Софора» разработал устройство, способное извлекать информационную эссенцию способностей в течение часа после смерти человека. Один анализ — и запах эссенции, её ранг и атрибуты становятся известны.

Сказав это, Хэ Цзиньэнь расплылся в улыбке. Ланс слегка побледнел; холодный пот выступил у него на спине.

В нынешнем мире информационная эссенция каждого пробуждённого уникальна — она стала чем-то вроде цифрового отпечатка личности. Стоит зафиксировать её характеристики, и человек фактически оказывается в ловушке. Под властью Федерального правительства такому беглецу останется лишь бежать на край света. Оказывается, у «Синего Центра» уже есть такие передовые технологии.

Собеседник хихикнул, в его глазах заплясали лукавые искорки:

— Твой учитель немного помог. Перед тем как приехало оборудование «Синего Центра», я подбросил дровишек в огонь.

Ланс мгновенно вспомнил ту сгоревшую машину. Она пострадала настолько сильно, что извлечь из неё хоть какую-то информацию было невозможно. Он понял: декан не хвастался, он предлагал сделку. По крайней мере, в деле об убийстве Боласа и Кловы он, Чжань Пинчуань и Хэ Цзиньэнь были связаны одной цепью.

Дальнейший разговор обещал быть гораздо проще. И точно: учитель с живым интересом спросил:

— Тот парень, который одним ударом разрубил Боласа пополам, — это твой человек?

У Ланса едва заметно дрогнул уголок рта. Лицо его выражало крайнюю степень недоумения. Разумеется, это был не его человек. Но он боялся, что если начнёт отрицать, старик приложит все усилия, чтобы выяснить личность Чжань Пинчуаня. Поэтому ему пришлось через силу выдать:

— ...Да.

— Ха! Я так и знал! — декан рассмеялся, как ребёнок, явно довольный реакцией. Для него это было косвенным признанием того, что Ланс действительно прислан «Чёрным Фонарём».

Юноша до белизны сжал кулаки, покорно принимая на себя чужую вину, которая на самом деле принадлежала маленькому идиоту.

— Работаете вы чисто, — прокомментировал Хэ Цзинъэнь, потирая руки, — но слишком уж эффектно. Не думал, что «Общество Чёрного Фонаря» предпочитает такой стиль.

— ...М-м.

«Это не Общество, это маленький идиот», — мысленно поправил его Ланс.

— Оливер — человек скромный, он любит тишину и эстетику. Вся эта кровавая баня не для него. Передай своему другу, любителю молний, пусть возьмёт выходной.

— ...Хорошо.

Ланс решил смириться с ролью «крайнего».

— О! — декан поднял указательный палец и трижды качнул им в воздухе. Затем он принялся рыться в ящиках и извлёк из подставки для ручек совершенно новую авторучку.

Сухими пальцами он открутил колпачок, сжал резервуар и, прицелившись кончиком пера в вену на своей руке, резко вонзил его в кожу. Ланс в шоке вскинул взгляд.

Кровь мгновенно брызнула наружу, стекая по тёмной коже старика и капая на пол. Он быстро набрал немного крови в ручку, бросил раненую руку, не заботясь о том, что она продолжает кровоточить, и поспешил плотно закрыть перо.

— Забыл сказать: Сы Хунчэ — пробуждённый S-ранга типа «Контроль». Его способность третьего порядка — «Приказ и подчинение». Он приказал Оливеру жить, и тот не может покончить с собой. А я — пробуждённый типа «Животные» в форме пятнистого оленя. Моя кровь обладает способностью к очищению.

Хэ Цзинъэнь бережно, почти торжественно передал ручку юноше. Выражение его лица оставалось радостным, словно он вручал изысканный подарок на день рождения.

— Это чтобы снизить риск вашего задания. И чтобы Оливер наконец смог сам распорядиться своей судьбой, — старик ласково похлопал Ланса по руке. — Передай это ему от меня. Скажи: учитель провожает его в последний путь.

Наполненная кровью ручка внезапно показалась Лансу невероятно тяжёлой. Он нахмурился; в его янтарных глазах отразилась целая гамма сложных чувств. Теперь он наконец понял, почему Оливер умолял «Общество Чёрного Фонаря» убить его.

Оказывается, в этом мире существуют настолько жестокие способности, что лишают человека даже права на смерть. Взгляд юноши стал стальным, он крепко сжал ручку в ладони.

— Восемнадцать лет назад... Что именно произошло с Оливером?

Он уже получил то, за чем пришёл. Хэ Цзиньэнь даже предложил ему отличный способ завершить дело и уйти безнаказанным. Ему не было нужды задавать этот вопрос. Просьба Оливера заключалась лишь в смерти, и неважно, что он совершил и как оказался в таком положении — это не меняло сути. Однако Ланс смутно чувствовал: Лао Лань хотел, чтобы он стал именно тем человеком, который задаст этот вопрос.

Декан замер. Он посмотрел на оливковое дерево в углу кабинета, и его взгляд стал далёким.

— Я не знаю всех подробностей. Когда всё случилось, он уже покинул университет. До меня вести дошли лишь тогда, когда началась война по подавлению мятежа. В те дни в Столичном городе царил хаос: кругом аномальные способности, огонь, крики, разлуки... Все бежали, искали спасения. Связь, аэропорты, вокзалы — всё встало. Я не смог вовремя связаться с ним.

Ланс нахмурился. Снова эта война.

Его уже почти тошнило от этого словосочетания. Если бы он случайно не вскрыл проклятие Эрдифа и не услышал тайну войны, он бы не застрял в этом университете. Эти события произошли ещё до его рождения, о них не осталось ни видео, ни текстов. И хотя в рассказах Хэ Цзиньэня война выглядела ужасающей, Ланс не чувствовал к ней никакой причастности. Это его не касалось.

— И что было потом?

— Оливер... Позже, когда всё утихло, я узнал, что его отправили в тюрьму для смертников особого режима AGW на четыре года. Говорят, она находится где-то в Ледяной равнине Лотасити, глубоко под землей. Там жесточайший надзор, кругом редкая свинцовая руда — даже у S-ранга нет ни шанса на побег. Четыре года он провёл в этом склепе, отрезанный от всего мира, — пробормотал Хэ Цзиньэнь, явно до сих пор не в силах смириться с этим.

Ланс впервые слышал о существовании подобного места под властью Федерации. Учитывая, что верхи закрывали глаза на массовые убийства невинных, он полагал, что тюрьмы как таковые давно изжили себя.

— У меня не было связей. Я долго искал выходы на нужных людей и в конце концов связался с

героем войны, который к тому времени уже стал начальником второго района «Синего Центра» — Сы Хунчэ. Один угодил за решётку, другой стремительно взлетел по карьерной лестнице... Признаться, мне как учителю было горько это видеть.

Он замолчал. Заметив, что Ланс никак не отреагировал на имя Сы Хунчэ, он пояснил:

— До всех этих событий Сы Хунчэ был женихом Оливера. В университете... они были очень близки.

Ланс повидал немало жестокости в своей жизни, и его разум был закалён, но при слове «жених» его едва не вывернуло наизнанку. Трудно было подобрать слова для того абсурда, который крылся в этом понятии. Казалось, те пустые, полные отчаяния глаза Оливера прожили целую жизнь, так и не сумев осознать значение этой связи.

— Ваша встреча, должно быть, была незабываемой, — с иронией заметил юноша.

Старик печально улыбнулся:

— О да, незабываемой.

В то время он всё ещё считал Сы Хунчэ единственным близким человеком Оливера. Он наивно полагал, что тот так же сильно переживает из-за приговора, и когда ему наконец удалось выйти на связь, он даже спросил Сы Хунчэ, может ли он чем-то помочь, чтобы Оливера выпустили пораньше.

Он до сих пор помнил лицо Сы Хунчэ в тот момент. Тот смотрел на него так, словно декан нёс несусветную чушь, словно его слова были самой нелепой шуткой в мире. Именно тогда он впервые по-настоящему осознал весь груз фразы «о прошлом лучше не вспоминать».

— У Оливера был единоутробный брат, — внезапно сменил тему Хэ Цзиньэнь.

Ланс почувствовал лёгкое раздражение от того, что нить повествования оборвалась. Ему хотелось знать, что именно Сы Хунчэ сказал учителю, но он не стал перебивать. Он понимал: сейчас Хэ Цзиньэнь не скажет ни одного лишнего слова.

— Его брата звали Уриэль. Он был учёным-социологом в Научно-исследовательском институте «Красная Софора». Насколько я помню, он был эдаким сухим кабинетным исследователем. Его единственной страстью были путешествия по миру: он проводил опросы, писал критические статьи, изучал культуру разных народов. Оливер находился под сильным влиянием брата и безмерно его уважал.

По описанию в голове юноши начал вырисовываться образ Уриэля: упрямый, трудолюбивый, всеми игнорируемый «хороший человек».

Декан помолчал и добавил серьёзно:

— Уриэль, потеряв над собой контроль в состоянии опьянения, убил четырехлетнюю сестру Сы Хунчэ.

Ланс промолчал, но его зрачки сузились до предела. Только что он представлял Уриэля как «хорошего человека».

— А Оливер, воспользовавшись своим служебным положением, помог Уриэлю бежать, — продолжил Хэ Цзиньэнь.

— Уриэля поймали? — спросил юноша.

Собеседник покачал головой:

— Он пропал без вести.

Исчез бесследно и больше никогда не появлялся. Именно за это Оливеру вынесли смертный приговор. И только заступничество Сы Хунчэ, использовавшего свои заслуги в войне, спасло его от казни, заменив её четырьмя годами тюрьмы.

Ланс долго вглядывался в лицо Хэ Цзиньэня, а затем тихо усмехнулся:

— Вы в это не верите.

Из того, как старик излагал факты, было ясно: он не верит ни в то, что Уриэль мог убить ребёнка, ни в то, что он просто «исчез».

Декан приподнял веки, отчего на его лбу собрались глубокие складки.

— Неважно, во что я верю, — хмыкнул он. — Я знал Уриэля и всегда был на стороне Оливера, так что моё мнение предвзято. Прошло восемнадцать лет. Материалы допросов, отчёты о вскрытии — всё это давно запечатано в базе данных третьего подземного уровня «Синего Центра», и теперь этого уже никто не увидит.

<http://bllate.org/book/15867/1440367>